

Институт славяноведения РАН
Институт новейшей истории Сербии (Белград)

ЧЕЛОВЕК НА БАЛКАНАХ

Памяти А. Л. Шемякина
(1960–2018)

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2020

УДК 94
ББК 63.3(4)
Ч391

 ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ.
Проект № 19-09-00163

Авторы:

*А. С. Аникеев, М. В. Белов, А. В. Ганин, Н. С. Гусев, Н. М. Куренная,
Ю. В. Лобачева, А. В. Морохин, К. В. Никифоров, Н. С. Пилько,
Е. П. Серапионова, А. А. Силкин, С. З. Случ, Н. Н. Станков, А. С. Стъяалин,
А. Ю. Тимофеев, О. В. Хаванова, В. Б. Хлебникова, А. Л. Шемякин,
Г. Н. Энгельгардт*

Редколлегия:

*А. А. Силкин (ответственный редактор), Е. П. Серапионова,
Ю. В. Лобачева, А. Ю. Тимофеев*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Ярослав Валерианович Вишняков*
кандидат исторических наук *Борис Сергеевич Новосельцев*

Редактор:

Л. А. Авакова

Ч391 **Человек на Балканах.** Памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018) / под общ. ред. А. А. Силкина, Е. П. Серапионовой, Ю. В. Лобачевой, А. Ю. Тимофеева. — М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. — 432 с.

ISBN 978-5-4469-1772-3
DOI 10.31168/4469-1772-3

Коллективный труд посвящен памяти сотрудника Института славяноведения РАН Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018). В работах рассмотрены вопросы истории славянских народов и России в XVIII–XXI вв., а также научный вклад А. Л. Шемякина. Авторами выступили сотрудники Института славяноведения РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и Института новейшей истории Сербии (Белград). Книга продолжает инициированный А. Л. Шемякиным научный проект «Человек на Балканах» (2002–2016), в фокусе которого находился процесс модернизации на Балканах в Новое время (после 1878 г.).

ISBN 978-5-4469-1772-3

9 785446 917723

© Институт славяноведения РАН, 2020
© Институт новейшей истории Сербии, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Обложка П. К. Донской, И. А. Тимофеев, 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

**«Материал для будущего историка,
который займется составлением правдивой
истории нашего Генерального штаба»:
Обзор переписки генерал-лейтенанта
П. И. Аверьянова о роли офицеров Генерального
штаба в революции и Гражданской войне**

Русская дореволюционная военная элита в лице старших офицеров Генерального штаба сыграла неоднозначную роль в революции и Гражданской войне¹. Этим вопросом терзались сами представители этой группы офицерского корпуса, в том числе оказавшиеся в эмиграции. Благодаря возможности относительно свободного обсуждения произошедших событий, военные эмигранты оставили значительный объем свидетельств о революционных событиях. Часть из них опубликована и известна исследователям, но немало таких материалов остаются не введенными в научный оборот. Среди них исторический интерес представляет обзор переписки генерал-лейтенанта П. И. Аверьянова о роли офицеров Генерального штаба в революции и Гражданской войне

Петр Иванович Аверьянов (05.10.1867–13.10.1937) был видным отечественным военным деятелем. В годы Первой мировой войны он исполнял должность начальника Генерального штаба. Участвовал в Белом движении на Юге России, эвакуировался из Крыма в 1920 г., поселившись в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС). Умер в Белграде и похоронен на Новом кладбище.

Аверьянов оставил обширное документальное наследие, центральное место в котором занимают его неопубликованные воспоминания «Страницы прошлого». Документы и мемуары генерал сдал

¹ Подробнее см.: *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013; *Он же.* Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России: дис. ... д-ра истор. наук. М., 2013; *Он же.* Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016 (2-е изд., испр.: М., 2017).

в Русский заграничный исторический архив в Праге, попавший после Второй мировой войны в СССР и ныне, в значительной степени, входящий в состав Государственного архива Российской Федерации. Материалы генерала Аверьянова хранятся в его личном фонде. В качестве приложений к воспоминаниям Аверьянов сохранил большой объем интересных документальных материалов. Среди них и объяснительная записка под названием «Переписка с друзьями и другими лицами по поводу событий и некоторых лиц, о которых упоминается в I, II и III томах воспоминаний “Страницы прошлого”». Записка представляет собой объемный аналитический обзор переписки с пояснениями самого Аверьянова. Тематически в записке можно выделить обзор писем по поводу участия генштабистов в революции и Гражданской войне в связи с выдвинутыми известным государственным и общественным деятелем Владимиром Иосифовичем Гурко обвинениями в адрес офицеров Генерального штаба.

Предыстория этой переписки следующая. В. И. Гурко в воспоминаниях «Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу» отметил, что в 1918 г. именно «в среде офицеров Генер[ального] штаба... впервые вполне постиг ту фатальную роль, которую сыграли штабные офицеры в развале русской армии и тем самым в развале государства. Наша академия Генерального штаба, имевшая по существу задачей создать мозг русской армии и заполонившая своими воспитанниками все высшие командные должности, фактически привела к двум результатам. С одной стороны, она развила в обучаемой ею среде рассудочность в ущерб волевых качеств, с другой — она породила в ней дух интриги и беспринципного карьеризма. Достаточно вспомнить, что декларация прав солдата была единогласно одобрена штабными офицерами, а также, что те же штабные офицеры первые перелицевались на революционный лад до такой степени, что собрание этих офицеров в Петрограде, где участвовали верхи Военного министерства, пришло к заключению, что им следует всем *in corpore*² записаться в члены партии социал-революционеров. От решения этого отказались лишь после того, как одним из собравшихся было резонно заявлено, что в искренность такого массового перехода никто не поверит, а потому выгоды им не доставит. Наконец, спрашивается, кто же составляет ядро Красной армии, кто первый пошел на зов

² В полном объеме (*лат.*).

большевиков поступить к ним на службу, как не те же офицеры Генерального штаба»³.

В целом высказывание Гурко было справедливым. Генштабисты действительно сыграли решающую роль в Февральской революции⁴. Начальник штаба Ставки генерал М. В. Алексеев и главнокомандующие армиями фронтов повлияли на решение императора Николая II отречься от престола, другая группа генштабистов пошла на сотрудничество с представителями Временного комитета Государственной Думы в Петрограде. Последствия революционного слома в краткосрочной перспективе оказались губительными — к осени 1917 г. Россия осталась без боеспособной армии. Это обстоятельство повлекло за собой свержение Временного правительства, выход страны из Первой мировой войны и втягивание в Гражданскую войну. В период Гражданской войны генштабисты составили военное руководство основных противоборствующих сторон.

Разумеется, лидерам Белого движения было трудно признать свою ответственность за развал страны и армии. Тем более что тот же генерал М. В. Алексеев осенью 1917 г. стал основоположником Добровольческой армии и Белого движения на Юге России. Неудивительно, что обвинение Гурко, опубликованное в 1924 г. в Берлине в «Архиве русской революции», вызвало резкое неприятие в среде военной эмиграции.

Эмигрантское Центральное правление Общества русских офицеров Генерального штаба выступило с инициативой подготовки опровержения. Правление обратилось ко всем членам общества, занимавшим ответственные посты в первый год революции, с просьбой присылать свои свидетельства, чтобы составить коллективный ответ. Однако собранные ответы так и не увидели свет в связи с началом работы штаба генерала П. Н. Врангеля по сокращению штатов, ликвидации дел и отъезду из КСХС. Опровержения не получилось еще и потому, что, как отметил генерал П. И. Аверьянов, «в общем все эти материалы освещали деятельность сравнительно ограниченного количества генералов и офицеров Генерального штаба, причем

³ Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 11.

⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. Генштабисты и Февральская революция // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. Сб. докладов международной научной конференции. СПб., 2017. С. 208–264.

в отношении этого ограниченного числа лиц давали такие данные, которые могли скорее подтвердить справедливость суждений и выводов В. И. Гурко, нежели их опровергнуть»⁵. Из публикуемого текста видно, что и сам Аверьянов сомневается в том, так ли уж неправ был Гурко.

Как бы то ни было, материалы этой переписки Аверьянов постарался обобщить и проанализировать. Поскольку они представляют очевидный интерес как для истории России, так и для истории русской военной эмиграции в КСХС, эти свидетельства предлагаются вниманию читателей.

Публикация осуществлена в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Явные ошибки исправлены без оговорок.

Три письма Ген[ерального] штаба генерал-лейтенанта Владимира Михайловича Драгомирова (ныне уже покойного)⁶

В первой главе II тома моих воспоминаний я упомянул о том, что появление в издаваемом Гессеном⁷ «Архиве русской революции» статьи В. И. Гурко⁸, в которой автор обрушивается с тяжелыми обвинениями на русский Генеральный штаб, очень легко воспринявший русскую революцию, быстро и легко с ней примирившийся и, в лице большинства его представителей, много и с успехом поработавший в деле «углубления революции» и т. п., — вызвало в Центральном правлении русских офицеров Генерального штаба за границей намерение — собрать достаточный материал и на основании такового написать на статью В. И. Гурко опровержение, поместив последнее в том же «Архиве русской революции» или в ином широко распространенном печатном органе. С этой целью Центральное правление

⁵ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 45об.

⁶ Драгомиров Владимир Михайлович (07.02.1867–27.01.1928) — генерал-лейтенант, председатель общества русских офицеров Генерального штаба.

⁷ Гессен Иосиф Владимирович (14.04.1865–22.03.1943) — публицист и издатель. В эмиграции издавал документальный альманах «Архив русской революции».

⁸ Гурко (Ромейко-Гурко) Владимир Иосифович (30.11.1862–18.02.1927) — действительный статский советник, камергер.

обратилось ко всем членам Общества⁹, занимавшим в первый год революции ответственные служебные посты и ныне проживающим вне Совдепии, с просьбой — высказаться по затронутым В. И. Гурко вопросам и предоставить в распоряжение Центрального правления материал, потребный для составления упомянутого опровержения. В числе таких лиц это предложение Центрального правления получил и я, как занимавший до революции и в первые месяцы после переворота пост начальника Генерального штаба. В ответ на это предложение я немедленно отправил Центральному правлению краткое описание тех событий и той деятельности некоторых офицеров Генерального штаба (имена которых стали одиозными в первые же дни революции), коих свидетелем мне привелось быть и которые впоследствии были мной описаны более подробно во второй главе тома II-го моих воспоминаний.

Со времени этой отправки Центральному правлению имеющегося у меня материала прошло более 20 месяцев, в течение коих я с большим нетерпением ожидал появления в печати опровержения на статью В. И. Гурко.

Тогда я обратился к председателю Центрального правления генерал-лейтенанту Владимиру Михайловичу Драгомирову с запросом — когда появится в печати проектированное опровержение, и с предложением — взять на себя составление этого опровержения, если оно еще не составлено, для чего просил выслать мне все поступившие в Центральное правление материалы.

В ответ на это мое письмо генерал Вл[адимир] Мих[айлович] Драгомиров письмом от 23 октября 1926 года сообщил мне нижеследующие сведения (цитирую выдержки из его письма): «Опровержение на статью Гурко еще нигде не появилось. Сначала довольно долго мы поджидали ответы; наконец, все возможные ответы были получены, но вместе с тем — начались хлопоты в штабе главнокомандующего¹⁰, различные сокращения штатов, подготовка ликвидации дел, к переезду и т. п. Таким образом, дело все откладывалось различными срочными хлопотами, а экстренности за ним не признавалось, т. к. полагалось напечатать опровержение

⁹ Общества русских офицеров Генерального штаба.

¹⁰ Т. е. в штабе генерала Врангеля в Сремских Карловцах. Примечание автора воспоминаний (*примеч. П. И. Аверьянова*).

в том же “Архиве” революции, а №№ позже или раньше — все равно. Тем не менее, дело это не было забыто, и его полагалось возобновить при более благоприятных условиях. Ваше предложение взять на себя труд по составлению опровержения принимаю с благодарностью. Напишу Архангельскому¹¹, чтобы весь имеющийся материал он выслал Вам. После его разработки вышлите мне черновики и переписывать не трудитесь. У меня дома есть пишущая машина и перепишу Ваш проект лично». Затем генерал В. М. Драгомиров в том же письме пишет: «Материал подобран, по моему мнению, достаточный. Ваши показания были одними из самых ценных, если не самыми ценными. Мы все в историческом отделении¹² ими зачитывались с огромным интересом. Впечатление со-

¹¹ Архангельский Алексей Петрович (05.03.1872–02.11.1959) — генерал-лейтенант, помощник начальника штаба главнокомандующего генерала П. Н. Врангеля (1925–ор1926).

¹² Т. е. в историческом отделе Генерального штаба Югославии, в каковом отделе служили и служат: генер[ал] от кавалерии Абрам Михайлович Драгомиров (быв[ший] главнокомандующий Север[ного] фронта и председатель Особого совещания при Деникине), ген[ерал]-лейт[енант] Владимир Михайлович Драгомиров (ныне покойный, автор цитируемого письма), ген[ерал]-лейт[енант] Вениамин Иванович Баскаков (заслужен[ный] профессор Николаевской академии Генер[ального] штаба), ген[ерал]-майор Владимир Михайлович Черемисинов, ген[ерал]-лейт[енант] Борис Иванович Казанович (известный боевой начальник дивизии в Добрармии времен Корнилова и Деникина), ген[ерал]-лейт[енант] Николай Афанасьевич Обручев (ныне покойный), генерал-лейт[енант] А. П. Филимонов (по образованию военный юрист, бывший первый выборный атаман Кубанского казачьего войска), генерал-майор Виктор Алексеевич Артамонов (бывший наш военный агент в Сербии перед Великой войной и в течение всей этой войны). Наконец в этом же историческом отделе с мая 1928 года служит и автор настоящих воспоминаний. Все мы размещены в двух просторных высоких комнатах нового великолепного и огромного здания на улице Милоша Великого (построенного русским военным инженером Баумгартеном), в котором с осени 1928 года помещаются все отделы Главного упр[авле]ния Генер[ального] штаба Югославии. В наших двух комнатах чиновников или офицеров сербов не имеется; в них размещены только русские.

В соседних с ними нескольких больших комнатах находится библиотека Генерального штаба Югославии, которой заведует серб-майор, а его помощниками состоят: генерал-от-инфантерии Пржевальский (главнокомандующий Кавказским фронтом), генерал-от-кавалерии Абацев, Генер[ального] штаба генерал-майор Владимир Николаевич Полтавцев и Генер[ального] штаба генерал-майор Шуберский. В остальных отделах Генерального штаба, а равно и в «Военном министерстве» также служат многие генералы и офицеры русской армии; служат они и в интендантстве, как, например, Ген[ерального] штаба генер[ал]-лейт[енант] Богатко, бывший главный интендант, после генерала Шувалова; как и все остальные — Богатко тоже «контрактуральный

здалось в общем такое: несколько офицеров Генер[ального] штаба, карьеры ради, действительно играли в руку революционерам. Господа эти известны, и никем никогда не апробировались. В Белграде и по настоящее время находится один из них; его раскусили и третируют не только свои офицеры, но даже теперешние сослуживцы, дамы, штатские и т. п. публика, непричастная к военным служебным делам и отношениям. Кампания этих господ вела вредную политику с «товарищами», остальные терпели и посильно боролись, но с общим полуумным настроением справиться не могли, т. к. бороться надо было только крутыми мерами, а для этого надо было опираться на какую либо силу. Но такой силы не было, приходилось говорить с опьяненными людьми, что раньше запрещалось даже дисциплинарным уставом. Следовательно, они ничего не могли сделать, хотя и пытались бороться. Ставить их на одну доску с несколькими крикунами, забывшими свой долг, значит обобщать единичные явления и исказить общий фон картины. Гурко так и сделал. Полагаю, в таком духе и должно быть составлено опровержение. Но, ради Бога, не подумайте, что я навязываю Вам свою программу. Передавая Вам дело, я ни малейшим образом не хочу стеснять Ваших концепций. Делайте, как считаете лучше, и мы всегда согласимся на опровержение, правильно рисующее положение, хотя и по другому варианту».

Вскоре я получил и собранные генералом Архангельским материалы, в том числе и составленное мною описание первых месяцев революции. Материалы эти оказались малочисленными, далеко не полными и не исчерпывающими вопроса; сам генерал Архангельский, занимавший в период мартовской революции должность дежурного генерала Главного штаба, своих показаний не написал за неимением свободного времени; начальник канцелярии Военного министерства и профессор Военной академии в этот период Ген[ерального] штаба ген[ерал-]лейт[енант] Филатьев¹³ дал довольно обширный и очень интересный материал, но значительная часть такового рисует скитания и деятельность Военной академии на Урале, в Сибири и во

чиновник». В управлении инспектора кавалерии служат Генер[ального] штаба ген[ерал-]лейт[енант] князь Николай Петрович Вадбольский, б[ывший] командир корпуса на Кавказском фронте (примеч. П. И. Аверьянова).

¹³ Филатьев Дмитрий Владимирович (03.09.1866–21.09.1932) — генерал-лейтенант.

Владивостоке, относительно же деятельности офицеров и генералов Генерального штаба в первый период революции в Петрограде генерал Филатьев рекомендует получить нужные сведения от меня, как бывшего начальника Генерального штаба. Затем были еще показания Ген[ерального] штаба ген[ерал]-лейт[енанта Минута¹⁴ (начальника Главного штаба после генерала Михневича¹⁵, при воен[ном] министре Гучкове¹⁶), генерал-майора Андриевского¹⁷ и немного других лиц. В общем все эти материалы освещали деятельность сравнительно ограниченного количества генералов и офицеров Генерального штаба, причем в отношении этого ограниченного числа лиц давали такие данные, которые моли скорее подтвердить справедливость суждений и выводов В. И. Гурко, нежели их опровергнуть. Огромным недостатком собранных материалов было еще и то, что они касались только первых месяцев революции и, по преимуществу, событий в Петрограде, тогда как В. И. Гурко в своей статье касается событий, происходивших в течение значительно большего периода времени и, не только в Петрограде, но и в Москве и других пунктах.

Пытаясь написать на основании этих материалов требуемое опровержение, я попал в то самое трудное и безвыходное положение, в котором я очутился тогда, когда военный министр генерал Беляев¹⁸ приказал мне, как начальнику Генерального штаба, имеющему в своем ведении военнопленных, написать официальное опровержение на тенденциозную заметку газеты «Русское слово», подчеркивавшую якобы чрезмерную заботливость государыни Александры Феодоровны о германских военнопленных, о чем мною подробно рассказано во II томе моих воспоминаний. Даже ныне положение мое было труднее, нежели тогда! Ведь тогда заметка «Русского слова» только тенденциозно осветила некоторые распоряжения государыни, которая хотя и была в действительности Ею отдана (по недомыслию советников государыни), но вовсе не имели в виду

¹⁴ Минут Виктор Николаевич (17.08.1868–02.01.1934) — генерал-лейтенант.

¹⁵ Михневич Николай Петрович (07.10.1849–08.02.1927) — генерал от инфантерии.

¹⁶ Гучков Александр Иванович (14.10.1862–14.02.1936) — российский политический деятель, военный и морской министр Временного правительства (март — май 1917).

¹⁷ Андриевский Дмитрий Иванович (06.02.1875–29.05.1951) — генерал-майор.

¹⁸ Беляев Михаил Алексеевич (23.12.1863–09.1918) — генерал от инфантерии (с 06.12.1914), военный министр (03.01–01.03.1917).

каких-либо особых забот исключительно о германцах. Теперь же В. И. Гурко сообщал и обсуждал в своей статье такие факты и такие действия, которые не только были в действительности, но и преследовали революционные цели, осуждаемые В. И. Гурко и поставленные им в вину нашему Генеральному штабу. Тогда, со стороны «Русского слова», было искажение истины, которое легче выяснить рядовой массе в опровержении. Теперь же в статье В. И. Гурко были лишь чрезмерно широкие обобщения на всю корпорацию деяний, надо сознаться, довольно значительного количества членов этой корпорации!

Затем, составляя опровержение на статью В. И. Гурко, нельзя было ограничиваться деятельностью лишь младших и средних (по своему положению) чинов нашего Генерального штаба; нельзя было не принять во внимание деяний в первые же дни революции его верхов, нельзя было умышленно закрыть глаза на те последствия, которые имели, и на то влияние, которое оказали «деяния» этих верхов Генерального штаба на развитие событий и на направление, которое приняла русская революция после отречения императора от престола, каковое отречение и было результатом главным образом «деяний» ближайших к государю верхов Генерального штаба. После тех документальных данных, которые были опубликованы в русской заграничной печати о том моральном насилии, которое совершил над государем в вопросе его отречения от престола его ближайший сотрудник, генерал-адъютант Алексеев¹⁹, нашедший единомышленника в своем генерал-квартирмейстере генерале Лукомском²⁰, а равно и о таком же насилии со стороны генерал-адъютанта Рузского²¹, мышления которого в критическую минуту были поддержаны генералами Юрием

¹⁹ Алексеев Михаил Васильевич (03.11.1857–08.10 (25.09).1918) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, начальник штаба Верховного главнокомандующего (1915–1917).

²⁰ Лукомский Александр Сергеевич (10.07.1868–25.02.1939) — генерал-лейтенант, в период отречения Николая II — генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего.

²¹ Рузский Николай Владимирович (06.03.1854–18.10.1918) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, в период отречения Николая II — главнокомандующий армиями Северного фронта.

Даниловым (черным)²² и Саввичем²³, наконец — после опубликования данных об отношении к вопросу отречения государя главнокомандующих фронтами (опять — генерал-адъютантов или генералов Генерального штаба — Брусилова²⁴, Эверта²⁵, Сахарова²⁶) и о поведении с каждым идущим днем революции в геометрической прогрессии генерала Брусилова, — после ознакомления широкой публики со всеми этими документальными данными, — казалось бы, по моему мнению, даже не только неловким и смешным, но и недобросовестным видеть центр тяжести затронутого В. И. Гурко вопроса в деятельности таких чинов Генерального штаба с одиозными именами, как не вполне нормальный генерал-майор Потапов²⁷, полковник Якубович²⁸ и молодые полковники князь Туманов²⁹ и Туган-Барановский³⁰, потом полк[овник] Верховский³¹ и другие, о которых я под-

²² Данилов Юрий Никифорович (13.08.1866–03.02.1937) — генерал от инфантерии, в период отречения Николая II — начальник штаба главнокомандующего армией Северного фронта. Участник мирных переговоров в Брест-Литовске, 25.03.1918 вышел в отставку и уехал на Украину.

²³ Саввич Сергей Сергеевич (01.04.1863 до 08.07.1939) — генерал от инфантерии, в период отречения Николая II — начальник снабжения Северного фронта.

²⁴ Брусилов Алексей Алексеевич (19.08.1853–17.03.1926) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант, в период отречения Николая II — главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта.

²⁵ Эверт Алексей Ермолаевич (20.02.1857–12.11.1918) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, в период отречения Николая II — главнокомандующий армиями Западного фронта.

²⁶ Сахаров Владимир Викторович (20.05.1853–08.1920) — генерал от кавалерии, в период отречения Николая II — помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта.

²⁷ Потапов Алексей Степанович (17.03.1872–?) — генерал-майор, сотрудник Военной комиссии Временного комитета Государственной Думы в период Февральской революции.

²⁸ Якубович Григорий Андрианович (15.03.1880–16.01.1926) — полковник, начальник отделения Главного управления Генерального штаба (на 1917), помощник военного министра (1917).

²⁹ Туманов Георгий Николаевич, князь (29.07.1880–10.1917) — полковник, позднее — генерал-майор. Помощник председателя Военной комиссии Временного комитета Государственной Думы в период Февральской революции.

³⁰ Туган-Барановский Лев Степанович (09.03.1880–?) — полковник, помощник председателя Военной комиссии Временного комитета Государственной Думы в период Февральской революции, начальник отделения Главного управления Генерального штаба (на 1917), и.д. начальника канцелярии военного министерства (с 09.05.1917).

³¹ Верховский Александр Иванович (27.11.1886–19.08.1938) — полковник, позднее — генерал-майор. И.д. начальника штаба отдельной Черноморской морской

робно упоминал во II томе моих воспоминаний. Я уже не говорю об опубликованных сведениях не документального и не официального характера, как напечатанные в «Русской летописи» воспоминания официального военного «историографа» генерала Дубенского³² или изданные фон-Лемке³³ воспоминания «250 дней в Ставке» и некоторые другие, внимательное чтение которых наводит на тягостные размышления о роли и значении генерала М. В. Алексеева в постигшей Россию катастрофе. Затем, составляя опровержение на статью В. И. Гурко, нельзя было совершенно игнорировать того факта, что (как мне написал ген[ерал]-лейт[енант] Н. А. Обручев³⁴, член правления общества офицеров Генерального штаба в королевстве С. Х. С.³⁵, в своем письме от 12 марта 1923 года), «подавляющее большинство офицеров Генерального штаба находится в Совдепии. За границей же сравнительно небольшая часть, из коих большинство, около 250 (считая в том числе и офицеров ускоренных выпусков из академии уже во время войны), в Сербии и очень мало в других странах»³⁶.

дивизии. В марте 1917 г. избран членом и товарищем председателя севавтопольского совета рабочих депутатов. Разработал Положение о местных солдатских комитетах. Командующий войсками Московского военного округа (с 31.05.1917). Военный министр (30.08–22.10.1917) с производством в генерал-майоры.

³² Дубенский Дмитрий Николаевич (26.10.1857–05.07.1923) — генерал-майор, состоял в императорской Свите как официальный историограф.

³³ Лемке Михаил Константинович (31.10.1872–18.08.1923) — историк и журналист, военный цензор Ставки. Автор книги «250 дней в царской Ставке».

³⁴ Обручев Николай Афанасьевич (31.05.1864–04.01.1929) — генерал-лейтенант.

³⁵ Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

³⁶ Передо мной лежат 4 официальных «Списка Генерального штаба» за 1903, за 1912, за 1913 и за 1917 годы. С величайшим трудом удалось мне найти во всей Югославии эти 4 толстейших (до 750 страниц каждая, кроме «списка» за 1917 год, имеющего всего 164 стр., т. к. в нем нет «прохождения службы» каждого офиц[ера] Ген[ерального] штаба) книги, которые ежегодно печатались Главным управлением Генерального штаба. Последний «список» Генерального штаба был напечатан в бытность мою начальником Генерального штаба по моему распоряжению. Этот «список» исправлен по 3 января 1917 года и к нему приложены «изменения» по 8 февраля 1917 [года]. В этом списке указана лишь последняя должность офицера Генер[ального] штаба, без подробного описания прохождения им предшествующей службы. Этот последний (за 1917 год) список считался «секретным», т. к. он давал опытному глазу массу ценных сведений об организации нашей армии в Великую войну. На нем была надпись «секретно», и он рассылался лишь официальным лицам и учреждениям, причем каждый экземпляр имел свой номер. Из этих с великим трудом отысканных мною 4-х списков я извлеку и привожу здесь следующие интересные Статистические данные

Нельзя было забывать при составлении этого опровержения и перехода уже из эмиграции на сторону большевиков генералов Генерального штаба Слащева-Крымского³⁷, Достовалова³⁸ и С.К. Добrorольского³⁹. Добросовестность не позволяет забыть умышленно и факта суждения судом чести в Югославии Генерального

о составе нашего Генерального штаба в 1903, 1912, 1913 годах и в 1917 году непосредственно перед революцией:

Состояло на действительной службе

Названия чинов	по 15 июля 1903 г.	по 10 сент[ября] 1912 г.	по 20 авг[уста] 1913 г.	по 3 янв[аря] 1917 г.
Полных генералов	60	64	82	98
Генерал-лейтенантов	119	132	118	183
Генерал-майоров	199	208	224	349
Полковников	283	511	463	401
Подполковников	247	47	83	201
Капитанов	210	224	236	253
Штабс-капитанов	-	2	5	-
Причисленных к Генеральному штабу обер-офицер[ов]	141	118	185	26
Итого	1259	1306	1396	1511

Таким образом, в составе нашего Генерального штаба было к началу революции 1511 генералов, штаб- и обер-офицеров. Из них, по данным «Центр[ального] правления общества русск[их] офиц[еров] Ген[ерального] штаба», в эмиграции, в Совет[ской] России, только 250 чел[овек], считая в этом числе и тех офицеров, которые окончили уже после революции, при воен[ном] мин[истре] Керенском, учрежденные при Воен[ной] академии «курсы Генер[ального] штаба». Ясно, что подавляющая масса офицеров Ген[ерального] штаба осталась в России. В конце этой записки приложена интересная, составленная мною по «списку 1917 года» таблица распределения 1511 генералов и офицеров по должностям (строевым и штабным, а также — в тылу и на фронте, а равно и в плену).

Там же приложен и «Список офицеров Ген[ерального] штаба, находящихся в королевстве Югославия, а также и 1 экземпляр издаваемого ими «Вестника» (примеч. П.И. Аверьянова).

³⁷ Слашов (Слашов-Крымский) Яков Александрович (29.12.1885–11.01.1929) — генерал-лейтенант. Один из видных деятелей Белого движения на Юге России. Вернулся в Советскую Россию.

³⁸ Достовалов Евгений Исаакович (26.06.1882–1938) — генерал-лейтенант, участник Белого движения на Юге России, вернулся в Советскую Россию.

³⁹ Добrorольский Сергей Константинович (11.10.1867–1933) — генерал-лейтенант, участник Белого движения на Юге России, уехал в СССР.

штаба генерал-лейтенанта Борисова⁴⁰, многолетнего интимного друга генерала М. В. Алексеева, единственного и ближайшего сотрудника последнего в бытность генерала Алексеева главнокомандующим Северо-Западного фронта⁴¹ и начальником штаба Верховного главнокомандующего⁴², того генерала Борисова, который пользовался исключительнейшим и полнейшим доверием генерала Алексева, «стратегическим вдохновителем» последнего или, как еще теперь говорят, «его злым гением»⁴³. Вследствие вышеизложенных соображений я увидел, что нет возможности написать сколько-нибудь

⁴⁰ Борисов Вячеслав Евстафьевич (24.09.1861–20.05.1941) — генерал-лейтенант. Ближайший помощник генерала М. В. Алексева. Генерал для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего (с 24.04.1916) и при верховном главнокомандующем (с 20.05.1917).

⁴¹ Генерал от инфантерии М. В. Алексеев занимал пост главнокомандующего армией Северо-Западного фронта с 22.03.1915.

⁴² Генерал от инфантерии М. В. Алексеев занимал пост начальника штаба Верховного главнокомандующего с 18.08.1915 по 02.04.1917.

⁴³ Итак, уже 3 «злых гения» отыскал «глас народа — глас Божий» среди военных деятелей Великой и Гражданской войн: при Алексееве — злой гений Борисов, при Деникине — злой гений Романовский и при Врангеле — злой гений Павлуша Шатилов. Но нужно не забывать, что «глас народа», а точнее — общественное мнение, мнение интеллигенции — у нас очень часто ошибается: оно ошиблось, приветствуя назначение в Маньчжурию генерала Куропаткина; по-видимому, не менее жестко оно ошиблось, радостно приветствуя и назначение начальником штаба Верховн[ого] главнокомандующего генерала Алексева; ошиблось оно и ожидая чудес от А. Ф. Керенского; ошиблось оно и предсказывая недолговечность Советского правительства.

В своем письме от 12 марта 1923 года покойный генерал Н. А. Обручев писал мне: «Много ли сменовеховцев? Мне известен один случай — это генерал Борисов, который собирается летом ехать в Совдепию; сегодня этот вопрос разбирался в суде чести. Суд приговорил его к исключению из службы с лишением чинов». Дело в том, что генерал Борисов совершенно открыто высказывал свои симпатии большевикам и находил, что они ведут национальную великую политику, сохраняют единство и целостность России. Он деятельно готовился к возвращению в Совдепию, однако, по неизвестным причинам, продолжает проживать в Белграде и в настоящее время, т. е. в середине 1929 года. Исключение его в 1923 году судом чести из службы с лишением чинов имело, конечно, лишь моральное, но не практическое значение. И потому генерал Борисов и по настоящее время продолжает служить «чиновником», заведующим довольно обширной библиотекой югославянской Военной академии, среди чинов которой пользуется большим авторитетом, благодаря своей действительно довольно обширной, хотя и односторонней, эрудиции. С русскими военными эмигрантами, да и вообще с эмиграцией, он порвал всякие связи. По возрасту — он ровесник покойного М. В. Алексева, т. е. ему теперь около 71–72 лет. Он носит длинные, до плеч, волосы (à la Бальмонт), защитный френч с генеральскими погонями, аксельбантом и значком Генеральского штаба, черные штатского образца длинные панталоны; на улице же, несмотря на страшную

«приличное» опровержение на статью В. И. Гурко, во всяком случае, я почувствовал, что под моим пером оно было бы неискренним, звучало бы фальшиво, раз я сам считал верх Генерального штаба виновными в том гибельном для России направлении, которое приняла наша революция после вынужденного отречения государя от престола. И это независимо от моего личного отношения к самой революции. Лично я могу ее или приветствовать как долгожданное благо для Родины, или проклинать ее как вызванное злыми и темными силами зло, или, наконец, мириться с ней как с исторической неизбежностью. Но во всех трех случаях я не могу не сознавать, что вышеуказанные верхи Генерального штаба поработали на пользу революции несоизмеримо больше, нежели та мелкота Генерального штаба, которая приобрела одиозные имена.

Все эти мои соображения и размышления я подробно сообщил председателю Центрального правления нашего общества, генералу Владимиру Михайловичу Драгомирову, причем высказал нижеследующее свое мнение о том, как поступить с намеченным опровержением на статью В. И. Гурко, а именно: ни Гурко, ни мы не можем быть нелицеприятными судьями нашего Генерального штаба; правильный приговор над ним сможет вынести только в отдаленном будущем беспристрастный историк (если когда-либо появится такой «беспристрастный» историк) на основании всего (а не частичного лишь, как ныне) документального материала о деятельности чинов нашего Генерального штаба; кроме того, революция ведь еще не закончилась, она, в сущности, еще продолжается и проходит через известные уже истории этапы, причем мы еще не знаем, какую положительную или какую отрицательную роль сыграют еще на этих этапах наши коллеги по Генеральному штабу; может быть еще появятся среди них светлые герои или же мы еще не раз будем огорчены наличием в нашей среде гнусных предателей⁴⁴; при таких условиях, по моему мнению, нам нужно отказаться от писания опровержений, а собрать и предать гласности возможно более документального материала,

жару, он всегда завертывается в старую, неопределенного цвета, офицерскую накидку без погон. Теперь он седой, как «лунь» (*примеч. П. И. Аверьянова*).

⁴⁴ К великому моему огорчению в скором же времени пронеслись вести о самоубийствах генералов Монкевица (во Франции) и Болховитинова (в Болгарии), якобы уличенных в сношениях с большевиками и работе на пользу Советской власти, о чем, несколько подробнее, я говорю ниже (*примеч. П. И. Аверьянова*).

освещающего деятельность чинов русского Генерального штаба непосредственно перед революцией и в течение самой революции, еще не закончившейся; поэтому я полагал бы наиболее целесообразным отправить для напечатания в «Архиве русской революции» весь собранный материал, предназначенный для составления опровержения на статью В. И. Гурко, указав лишь в предисловии к этому материалу, что таковой печатается с целью дать читателям «Архива» возможность судить — насколько справедливы деланные В. И. Гурко обобщения.

На это мое письмо генерал В. М. Драгомиров ответил письмом от 17 января 1927 года в таких выражениях: «Очень Вам признателен за Ваше обстоятельное письмо и высказанные Вами ценные мысли по поводу направления всего дела. В общем я вполне согласен с Вами, но для окончательного решения дела его следует провести через Центральное правление. Поэтому прошу Вас прислать весь имеющийся у Вас материал мне или Базаревичу⁴⁵. По его рассмотрении будет составлено постановление, а затем мы спишемся с Архангельским и с его мнением⁴⁶, или без него, направим материал по принадлежности».

Я немедленно выслал генералу Драгомирову все материалы заказной бандеролью и получил от него уведомление почтовой открыткой о получении им высланных мною материалов в полной исправности.

Через несколько месяцев после окончания этой переписки со мной по поводу статьи В. И. Гурко генерал Владимир Михайлович Драгомиров умер от воспаления легких, не успев довести этот вопрос до намеченного конца. По наведенной мною (в июне 1929 года) справке у секретаря и члена районного правления (не смешивать с «центральным» правлением) Общества русских офицеров Генерального штаба в королевстве С. Х. С., генерал-майора В. Н. Полтавцева, возвращенные мною генералу В. М. Драгомирову материалы

⁴⁵ Полк[овник] Базаревич — член Центрального правления Общества русских офицеров Генерального штаба в эмиграции (*примеч. П. И. Аверьянова*). Базаревич Владимир Иосифович (04.11.1880–31.10.1943) — полковник, участник Белого движения на Юге России. В эмиграции — в КСХС.

⁴⁶ С генералом Архангельским, переехавшим из Югославии в Бельгию вместе с генералом Врангелем и не успевшим написать просимые от него воспоминания и «мнение» по поводу статьи В. И. Гурко (*примеч. П. И. Аверьянова*).

о деятельности офицеров Генер[ального] штаба в первый год революции, не были отправлены для напечатания в «Архив русской революции» и, вероятно, находятся в делах «Центрального правления» Общества офицеров русского Генерального штаба, председателем которого ныне (вместо покойного В. М. Драгомирова) состоит генерал-от-инфантерии Я. Ф. Шкинский⁴⁷. Упоминаю обо всем вышеизложенном с той целью, чтобы осведомить «будущего историка» и русской революции и, особенно, русского Генерального штаба о существовании довольно интересных исторических материалов, специально освещающих затронутый В. И. Гурко вопрос, и указать этому будущему историку путь, по которому следует направиться в поиски за этими материалами.

Одно письмо генерала Генерального штаба Николая Августовича Монкевица⁴⁸ от 2 апреля 1924 года

Во втором томе моих воспоминаний я упомянул, что проживающий во Франции Генерального штаба генерал Николай Августович Монкевиц, бывший мой сослуживец по службе в Главном управлении Генерального штаба (он был помощником 1-го обер-квартирмейстера, когда я был 2-м обер-квартирмейстером) обратился ко мне с письмом от 2 апреля 1924 года, в котором он просил меня сообщить ему мое заключение (а если возможно, то и выслать ему документальные данные) по поводу появившегося в № 1208 от 30 марта 1924 г. в газете «Последние новости» письма, под заглавием «Те, которые участвовали в этом», в конце которого говорится буквально следующее: «Могла ли затеянная интрига остаться в тайне? Конечно, нет! Ведь на место Беляева надо было назначить кого-нибудь начальником Генерального штаба. Выбор пал на генерала Аверьянова, столь же способного и молодого, как и безусловно честного человека. Исполняя по долгу службы секретнейшие распоряжения триумвирата, он сохранил важнейшие документы у себя, с целью опубликовать их, когда придет время». Далее ген[ерал] Монкевиц пишет мне: «Вот по этому-то поводу я и обращаюсь к Вам. В письме идет речь

⁴⁷ Шкинский Яков Федорович (04.06.1858–22.04.1938) — генерал от инфантерии.

⁴⁸ Монкевиц Николай Августович (22.11.1869–11.1926) — генерал-лейтенант.

об интриге триумvirата Протопопов⁴⁹, Беляев и Хабалов⁵⁰ с целью инсценировать в Петрограде мятеж и затем подавить его при помощи полиции с пулеметами, но без участия войск, и свалить всю ответственность за происшедшее на Государственную Думу. Анонимный автор этого письма говорит, что у Вас будто бы есть документы, доказывающие существование этой интриги. Я давно уже веду идейную борьбу с Милюковым⁵¹, Керенским⁵² и всей этой компанией и в особенности с рассказываемыми ими небывлицами о событиях февраля 1917 года и всех мерзких обвинений их против императора и императрицы. Поэтому я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы сочли возможным сообщить, насколько правдоподобны заявления этого письма, и какие у Вас имеются документы, которые Вы собираетесь опубликовать. Если Вы желаете, я обязуюсь не использовать ничего того, что вы мне сообщите, но мне необходимо знать истину. Зная Беляева и Хабалова и не будучи высокого мнения об их талантах, я, тем не менее, безусловно не считаю их способными участвовать в такой подлой интриге и думаю, что это лишь злостное уверение автора письма».

Я ответил генералу Монкевицу, что анонимный автор цитируемого им письма, видимо, совершенно не знает вопроса, о котором взялся писать: я был назначен на должность начальника Генерального штаба не по представлению военного министра Беляева, после предварительного «избрания» меня триумvirатом, а по представлению военного министра генерала Шуваева⁵³, избравшего меня на эту должность вместо уволенного с этой важной должности (по его, Шуваева, настоянию) генерала Беляева. Когда же на место генерала Шуваева военным министром был назначен генерал Беляев,

⁴⁹ Протопопов Александр Дмитриевич (18.12.1866–27.10.1918) — последний министр внутренних дел Российской империи (1916–1917).

⁵⁰ Хабалов Сергей Семенович (21.04.1858–1924) — генерал-лейтенант, командующий войсками Петроградского военного округа (1916–1917).

⁵¹ Милюков Павел Николаевич (15.01.1859–31.03.1943) — русский политический деятель, министр иностранных дел Временного правительства (1917).

⁵² Керенский Александр Федорович (22.04.1881–11.06.1970) — российский политический деятель, министр юстиции Временного правительства (02.03–18.04.1917), военный и морской министр (05.05–01.09.1917), министр-председатель Временного правительства (07.07–26.10.1917).

⁵³ Шуваев Дмитрий Савельевич (12.10.1854–19.12.1937) — генерал от инфантерии (с 12.07.1911), военный министр (15.03.1916–03.01.1917).

то я с ним не ужился и десяти дней, самовольно оставил пост начальника Генерального штаба, подав рапорт о болезни (к моему счастью — случившейся именно в подходящий и нужный момент), и добился назначения меня на фронт, каковое назначение не состоялось только вследствие того, что вспыхнувшая в Петрограде революция помешала генералу Беляеву представить на подписание императору, заготовленный Главным штабом указ Правительствующему Сенату об увольнении меня с должности начальника Генерального штаба и приказ по военному ведомству о назначении меня на Кавказский фронт. Вследствие этих обстоятельств революция застала меня на посту начальника Генерального штаба числившимся официально «больным» и не несшим служебных обязанностей, и только вследствие настояний посетившей меня депутации от чинов Главного управления Генерального штаба я вступил снова в должность начальника Генерального штаба именно в тот момент, когда арестованный военный министр генерал Беляев садился в автомобиль, который его отвез в Таврический дворец. Вместе с тем, я сообщил генералу Монкевицу, что в Петрограде действительно очень упорно циркулировали слухи о том, что «триумvirат» вооружил военными (предназначенными для снабжения армии) пулеметами городскую полицию, которая, якобы, стреляла из этих пулеметов по народу, расположив их на крышах казенных зданий. Однако проведенное мною и помощником военного министра, генералом Маниковским⁵⁴, расследование не дало достаточных данных для того, чтобы утверждать, что генералы Беляев и Хабалов отпустили Протопопову военные пулеметы для вооружения полиции.

На этом моя переписка с генералом Монкевицем прекратилась. В конце 1926 года до меня дошли слухи о том, что генерал Монкевиц застрелился, якобы, вследствие того, что был уличен французскими властями в работе для Советского правительства. А уже 18 января 1927 года генерал Н. А. Обручев (помощником коего был генерал Монкевиц в Главном управлении Генерального штаба) написал мне: «Получил письмо от Гиссера⁵⁵, который пишет мне, что

⁵⁴ Маниковский Алексей Алексеевич (13.03.1865–01.1920) — генерал от артиллерии, помощник военного министра (с 06.03.1917). Временно управляющий военным министерством.

⁵⁵ Генер[ального] штаба генерал Гиссер, служивший делопроизводителем в части 1-го обер-квартирмейстера Генерального штаба, непосредственно

Н. А. Монкевиц, надо полагать, виновен в том, в чем его обвиняют, ибо французская полиция имеет данные, удостоверяющие, что Монкевиц имел сношения с большевиками, но эти данные полиция отказывается дать даже великому князю⁵⁶. Вот какой вышел негодяй из Монкевица. Кто бы мог это думать!»

Немного времени протекло после такого печального конца генерала Монкевица, когда из Болгарии получилось сообщение о самоубийстве (при том — из ружья!) Генер[ального] штаба генерал-лейтенанта Леонида Митрофановича Болоховитинова, о котором я неоднократно упоминал во II и в III томах моих воспоминаний, моего бывшего талантливом подчиненном (был делопроизводителем во вверенной мне части 2-го обер-квартирмейстера Генерального штаба), главного начальника снабжения Кавказского фронта, рядового в одном из пехотных полков Добрармии (по приговору суда, назначенного Деникиным, был приговорен к смертной казни, замененной разжалованием в рядовые; впоследствии был прощен с возвращением чина генерал-лейтенанта) и, наконец, «последнего» военного министра Кубанского краевого правительства. И вновь — смерть эта связывается с толками и слухами о том, что причиной самоубийства является обнаружение службы и работы самоубийцы на пользу Советской власти! Утверждают, что генералу Болховитинову пришлось прочитать в издаваемом в Советской России «Красном архиве» статью или чьи-то воспоминания, которые подтверждали добровольную службу его у большевиков, его добросовестную работу в их пользу и, следовательно, и правильность решения, вынесенного судом Добрармии, приговорившего его к смертной казни.

Полагаю, что при наличии таких фактов не следует писать опровержений на статью В. И. Гурко, а должно накапливать исторический материал для будущего историка, который займется составлением правдивой истории нашего Генерального штаба. Вот почему и я лично стараюсь собрать все доступные мне сведения о деятельности чинов Генерального штаба и занести их на страницы моих

подчинявшийся генералу Монкевицу (*примеч. П. И. Аверьянова*). Гиссер Георгий Георгиевич (03.01.1872 — не ранее 1934) — генерал-майор. В эмиграции — в Швеции.

⁵⁶ Великий князь Николай Николаевич (*примеч. П. И. Аверьянова*). Николай Николаевич (младший) (06.11.1856–05.01.1929) — великий князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Принял на себя формальное руководство Русским Общевоинским союзом (1924).

воспоминаний, предназначенных для будущего историка. Оценивать же своих современников, делить их на «светлых» и «темных» деятелей нашей смутной эпохи, видеть в одних «мучеников в светлых ризах», а в других «предателей и виновников гибели России», я лично считаю очень преждевременным. У нас нет еще нужного критерия для такой оценки, и нам неизвестны еще многие и многие факты, необходимые для справедливого суждения. Два военных эксперта, два «воен-спеца» участвуют в обсуждении Брестского «похабного» мира: генерал-от-инфантерии Данилов (черный) и генерал-майор Скалон⁵⁷; второй — не в состоянии пережить позора Отечества и предпочитает смерть подписанию протокола «мира», а первый — участвует в совещаниях до конца и подписывает его постановления и решения. Если второй — «светлый» герой, то кто же первый? Неужели «темный» предатель? Или еще более яркий и более значительный по своему существу пример: с одной стороны: «основоположник» Добрармии, «зажегший светоч в том мраке, который окутал Россию»⁵⁸, как называют генерала М. В. Алексеева одни, и «замаливавший созданием Добрармии свой тяжкий грех перед Россией», «оставшийся без поддержки своего государя в тяжелую минуту его жизни, совершивший над ним моральное насилие», «своим водительством русских вооруженных сил в Великую войну безумно легкомысленно растративший огромнейшие людские и конские запасы России, бестолково истощивший ее материальные силы», как мыслят о нем многие другие. Кто из них прав в своих оценках генерала М. В. Алексеева? Нет еще достаточного исторического материала для правильного суждения и оценки деятельности этого человека!

ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 42–55. Автограф.

⁵⁷ Скалон Владимир Евстафьевич (28.11.1872–29.11.1917) — генерал-майор. Участник мирных переговоров в Брест-Литовске. По прибытии в Брест-Литовск покончил с собой.

⁵⁸ Искаженная цитата из письма генерала М. В. Алексеева: «Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы» (цит. по: *Деникин А. И.* Очерки русской Смуты. Париж, 1922. Т. 2. С. 223).